

Тамразян М. В.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ООН ЗА ДЕЙСТВИЯ СВОИХ МИРОТВОРЧЕСКИХ СИЛ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/7-1/46.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 7 (26): в 2-х ч. Ч. I. С. 128-131. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

новая олигархическая элита и правительство, выражающая ее интересы, не нуждается в развитии научной философии, они заинтересованы в распространении религиозного мировоззрения, а именно, православного фундаментализма» [Там же]. А. В. Ерахтин соглашается с М. Веллером, что социальная философия лишь тогда будет способствовать духовному единству общества, когда будет восстановлена историческая справедливость и вскрыт несправедливый и криминальный характер приватизации в России. Он цитирует писателя М. Веллера, который говорит: «Я убежденный противник амнистии капиталу, которая хорошо выглядит только с экономической точки зрения. Потому что тем самым всему населению как бы говорят: «Кто не украл – тот дурак. Кто украл – тот прав. Воровать правильно» [Веллер].

До тех пор, пока историческая справедливость не будет восстановлена, не может быть сформирована и государственная идеология, а соответственно не будет и духовного единства общества. «В современной философии, продолжает А. В. Ерахтин, лучшие достижения российской советской материалистической, научной философии используются слабо, о них мало кто знает, зато доминируют философы-идеалисты, религиозные философы. Последние слабо связаны с практической преобразовательной деятельностью человека» [Ерахтин, № 39-40].

В. В. Миронов объясняет проблемы взаимоотношений современного общества и философии исходя из особенностей современной массовой культуры. В центре современной культуры, пишет он, «стоит так или иначе понимаемая повседневность как наивысшая культурная ценность, которая в свою очередь сопряжена с такими формами жизненного подведения, как достижение успеха любыми средствами, стремление к комфорту и т. д.» [Философия – обществу, с. 208]. В результате рынок стал детерминировать даже научную и философскую продукцию, что ведет к «вымыванию» из науки фундаментального знания. «Симуляция как признак современного состояния культуры, – указывает В. В. Миронов, – выражается в науке нарастанием фактов прямой имитации научной деятельности, что проявляется в увеличении доли недобросовестности» [Там же, с. 209]. Главное требование современного рынка – умение «подать «товар» лицом».

Подводя итог, можно сказать следующее:

1. Народная мудрость гласит о том, что не нужно пенять на зеркало, оно только отражает того, кто перед ним стоит, иначе говоря, состояние современной философии отражает состояние современного человека, нравится нам это или нет, но если мы хотим, чтобы изображение изменилось, мы должны измениться сами.

2. Социальная философия, прежде всего, должна сформулировать адекватный социальный идеал в максимально общем виде и указать пути его достижения. Философия и социальная философия должна помочь человеку разобраться в себе, выбрать правильное поведение в общении с другими людьми в обществе.

3. Философия должна найти такой язык, который бы, с одной стороны, формировал высокий уровень культуры личности, а с другой, был бы понятен и доступен для понимания и духовной заинтересованности широкой читающей аудитории (например, студенческой).

4. При всем многообразии философских школ, в образовательном процессе должна доминировать материалистическая философия, ориентирующаяся на современные научные достижения. Более того необходимо приложить все усилия, чтобы в ближайшие годы сформировать в России новую национальную идею – Глобального прорыва в сфере науки и образования. В эпоху научно-технического прогресса страну не спасут бюрократические реформы. До сих пор наши реформы, в конечном счете, осуществляли передел собственности: государственная собственность становилась частной. Но дело не в этом. Чтобы что-то делить, надо, чтобы это что-то было создано, поэтому в производственной сфере будущее за высокими технологиями, т. е. за государственным образованием и наукой.

Государство, осознающее свою ответственность перед человеком, неизбежно придет к необходимости формирования нравственной философии в обществе. Социальное государство создаст основы для развития социальной философии.

Список литературы

Веллер М. Если не украл, то – дурак? // *АиФ*. 2005. № 41.

Ерахтин А. В. Если философия не претендует на истину – она не нужна // *Экономическая и философская газета*. 2007. № 37.

Ерахтин А. В. Найти разумную меру // *Там же*. № 39-40.

Силбер Д. Философия и будущее образование // *Вестник РФО*. 2001. № 2.

Философия – обществу / под ред. Б. В. Маркова, Ю. М. Шилкова. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ООН ЗА ДЕЙСТВИЯ СВОИХ МИРОТВОРЧЕСКИХ СИЛ

Тамразян М. В.

ГОУ ВПО «Кубанский государственный университет»

Вопрос международно-правовой ответственности находится в прямой связи с функционированием международного права. Институт международно-правовой ответственности является одним из основных

средств международно-правового регулирования, которое проявляется в обязывании субъектов международного права воздерживаться от совершения международных правонарушений.

С учетом специфики международной организации как субъекта права существуют определенные проблемы определения ответственности ООН за международные правонарушения. ООН, как и всякая другая международная организация, является производным субъектом права. В отличие от государства у нее нет ни территории, ни населения, ни своей армии. Тем не менее, в соответствии со статьей 43 Устава ООН государства-члены предоставляют в распоряжение ООН свои вооруженные силы для проведения миротворческих операций. В связи с этим возникает вопрос: какой субъект права должен нести международно-правовую ответственность за противоправные деяния предоставляемых вооруженных сил: государство, предоставляющее свой военный контингент, или ООН?

В настоящий момент эта проблема имеет серьезное значение как для ООН, так и для региональных международных организаций. Об этом свидетельствует правоприменительная практика. В декабре 2001 г. Европейский Суд по правам человека отклонил иск граждан бывшей Югославии Банковичей против 17 государств-членов НАТО в связи с бомбардировками Югославии в 1999 г. В декабре 2004 г. Международный Суд ООН признал неприемлемыми заявления Сербии и Черногории против 8 государств-членов НАТО, участвовавших в бомбардировках Югославии в 1999 г. [www.caselaw.lp.findlaw.com].

Ответственность ООН за действия миротворческих сил была признана Европейским Судом по правам человека в деле Бехрами и в деле Сарамати в мае 2007 г. В указанных прецедентах суд отклонил требования граждан Бехрами и Сарамати против Франции, Германии и Норвегии в силу того, что вооруженный контингент этих государств участвовал в миротворческой операции ООН [www.echr.com]. Суд отметил, что, несмотря на то, что государства оставляли за собой определенные полномочия по руководству и управлению своими вооруженными силами, верховное командование и контроль над деятельностью миротворческой миссии осуществляла ООН. Подобную практику Европейского суда по правам человека нельзя назвать удовлетворительной по той причине, что суд не выполнил своей основной задачи по защите прав, свобод и законных интересов лиц, пострадавших от совершения правонарушений.

Актуальность данной проблемы определяется также тем, что в доктрине международного права (как российской, так и зарубежной) указанный вопрос остаётся недостаточно изученным. В отечественной литературе по данной тематике интерес представляет мнение Г. И. Тункина. В своих работах он поставил под сомнение независимость действий ООН от своих членов [Тункин, р. 32]. Помимо этого указанная тема раскрылась в работе Е. А. Шибаевой и М. Поточного [Шибаева, Поточный, с. 65]. Этому вопросу также посвящен раздел в книге И. И. Лукашука [Лукашук, с. 68.]. В зарубежной литературе разработкой этой проблемы занимались Р. Хиггинс (Великобритания), Р.-Ж. Дюпуи (Франция), Дж. Гайа (Италия) и другие авторы. Однако, по замечанию И. И. Лукашука, серьезного внимания данному вопросу в мировой литературе не уделялось, так как в большинстве случаев «дело сводилось к общей фразе о том, что международная организация может быть субъектом права международной ответственности» [Там же].

В рамках ООН исследованием вопросов международно-правовой ответственности занимается Комиссия по международному праву. В 2001 г. она представила окончательный вариант проекта статей, регулирующих всю совокупность новых правоотношений, могущих возникнуть в результате международно-противоправного деяния государства независимо от конкретной сферы, в которой происходит правонарушение. При этом было принято решение о разработке вопросов связанных с международно-правовой ответственностью международных организаций. В результате анализа существующих обычно-правовых норм международного права и правоприменительной практики в сфере международной ответственности международных организаций было выработано 30 проектов статей, посвященных вопросам регулирования ответственности международных организаций.

В рамках исследования, проведенного Комиссией, а также в отечественной доктрине международного права взгляды авторов сходятся в одном: международные организации, являясь субъектами международного права, не могут не быть субъектами права международной ответственности. При этом имеется в виду международная межправительственная организация, членами которой могут быть государства. Данный подход подтвержден Международным Судом ООН в деле о возмещении ущерба причиненного во время нахождения на службе ООН. В консультативном заключении по данному делу Суд отметил, что ООН несёт ответственность за собственное поведение [www.un.org].

Основываясь на указанном принципе, сформулированном Международным Судом ООН, большинство авторов считает, что из сложившейся практики вытекает общее правило: государство не несёт ответственности за международное правонарушение, совершенное миротворческими силами ООН. В частности, И. В. Рачков пишет, что «государства для того и создают самостоятельные субъекты международного права – международные организации, чтобы возложить на них определенные полномочия и ответственность в рамках или вне рамок этих полномочий» [Рачков, с. 68].

В статье 5 разрабатываемого Проекта статей, посвященных вопросам регулирования ответственности международных организаций, указано, что поведение органа государства, предоставленного в распоряжение международной организации должно расцениваться как поведение международной организации, если последняя осуществляет эффективный контроль над поведением данного органа. По заявлению Генерального секретаря ООН, критерий «степени эффективного контроля» имеет решающее значение при разграничении ответственности государства и ООН. Он подчеркнул, что «международная ответственность ООН в связи с

боевыми действиями сил ООН зиждется на предположении о том, что данная операция осуществляется под исключительным командованием и управлением ООН... При совместных операциях международная ответственность лежит на тех, кто осуществляет оперативное командование и управление... ответственность будет определяться в зависимости от степени эффективного управления, осуществляемого каждой из сторон при проведении операции».

Тем не менее, в международном праве отсутствует кодифицированная норма о том, что государства не отвечают за действия международной организации, членами которой они являются. В ряде случаев, следует признать, государство будет отвечать за правонарушения своего военного контингента, предоставленного в распоряжение ООН для выполнения миротворческой миссии. Как уже отмечалось выше, ООН отвечает за правонарушения, совершенные миротворцами в том случае, если она осуществляла эффективный контроль над их деятельностью. Однако из этого правила есть исключение. Если из международного договора или фактических обстоятельств дела вытекает, что ООН возложила полномочия по эффективному контролю над операцией на какое-либо государство, то тогда именно это государство будет отвечать за правонарушения, совершенные миротворцами, несмотря на то, что формально вооруженные силы данной страны были предоставлены ООН для выполнения миротворческой миссии.

Так, например, в модельном международном договоре, заключаемом между страной, предоставляющей вооруженные силы, и ООН, указан ряд обязательств данного государства, которые необходимо учитывать при определении субъекта, осуществлявшего эффективный контроль над проведением миротворческой миссии. В частности там указано, что государство, предоставившее вооруженные силы:

- признает ответственность командира представляемого военного контингента за дисциплину и надлежащее поведение членов миротворческого контингента;
- обязано расследовать любые правонарушения, совершенные членами предоставляемого миротворческого контингента;
- обладает исключительной юрисдикцией над военными и гражданскими членами предоставляемого контингента за правонарушения, совершённые ими в рамках миротворческой миссии ООН.

Таким образом, можно заключить, что если в соответствующий международный договор будут внесены данные пункты, то государство, предоставляющее миротворческий контингент, будет отвечать за правонарушения совершенные членами данного контингента. Так, например, в деле о геноциде в Сребренице Гаагский трибунал по военным преступлениям признал ответственность Голландии за то, что миротворческие силы этого государства не защитили мирных жителей Сребреницы от геноцида.

Существует еще один критерий, при наличии которого государство будет нести ответственность за правонарушения, совершенные миротворцами ООН. Этот критерий заключается в том, что члены контингента, предоставленного государством в распоряжение ООН, должны выступать вне рамок своих официальных полномочий. Иными словами, действия и бездействия членов миротворческой миссии, совершённые вне рамок их официальных полномочий, должны присваиваться не ООН, а государству, направившему соответствующих лиц.

Так, например, в деле по иску Кайре совместный франко-мексиканский трибунал сформулировал два условия, выполнение которых необходимо для того, чтобы государство или международная организация несли ответственность за действия своих должностных лиц:

- деяние должно быть совершено с использованием своего служебного положения;
- деяние должно быть совершено в рамках своих официальных полномочий [Cassese, p. 245].

По итогам проведённой работы можно сделать ряд важных выводов.

Во-первых, проблема международной ответственности международных организаций на сегодняшний день является вопросом неразработанным и во многом пробельным. На современном этапе развития международных отношений необходим единый акт, содержащий императивные международно-правовые нормы универсального характера, применимые к правоотношениям, возникающим между ООН и государствами, предоставляющими свой военный контингент для миротворческой миссии.

Во-вторых, современная практика международных судов наглядно демонстрирует, что в большинстве случаев истцам отказывают в принятии заявлений о нарушениях со стороны миротворцев. Причина этих отказов заключается в отсутствии чёткого международного законодательства, а сама ситуация создает простор для всевозможных правонарушений и злоупотреблений, которые в большинстве случаев остаются безнаказанными. По этой причине в рамках обозначенного акта особенно важно кодифицировать критерии разграничения международной ответственности ООН и государства, предоставляющего вооруженные силы. Это имеет принципиальное значение для определения субъекта, который обязан возмещать вред, причиненный правонарушением. При этом, учитывая тот факт, что данные правоотношения складываются в условиях военных действий, нужно, прежде всего, обеспечить эффективную защиту и восстановление прав пострадавших лиц.

Список литературы

Доклад Комиссии по международному праву о работе её 25-й сессии 7 мая – 13 июля 1973 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/law/ilc> (дата обращения: 01 апреля 2009 г.).

Лукашук И. И. Право международной ответственности. М., 2004.

- Рачков И. В.** Ответственность государства за деяния международной организации // Вестник МГУ. 2006. № 1.
- Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г.** // Международное право в документах / сост. Н. Т. Блатова, Г. М. Мелков. М., 2000.
- Шибяева Е. А., Поточный М.** Правовые вопросы структуры и деятельности международных организаций. М., 1988.
- Brief Initial Response by the Prime Minister, Wim Kok, to the Netherlands Institute for War Documentation Report on Srebrenica** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minaz.nl/english/News/> (дата обращения: 01 апреля 2009 г.).
- Cassese A.** International Law. Oxford University Press, 2005.
- International Law Commission Report on the Work of Its Fifty-Ninth Session** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.untreaty.un.org/> (дата обращения: 01 апреля 2009 г.).
- Model Status-of-Forces Agreement for UN Peacekeeping Operations** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/> (дата обращения: 01 апреля 2009 г.).
- Tunkin G.** The Legal Nature of the United Nations // Recueil de L'Academie de droit international. 1966.
- <http://www.echr.com> (дата обращения: 01 апреля 2009 г.).
- <http://www.caselaw.lp.findlaw.com/scripts/getcase> (дата обращения: 01 апреля 2009 г.).
- <http://www.icj-cij.org> (дата обращения: 01 апреля 2009 г.).

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ФИНАНСОВОЙ АРЕНДЫ (ЛИЗИНГА)

Татарина С. С.

Самарский государственный университет

Само понятие «лизинг» (или по-другому - финансовая аренда) в России появилось сравнительно недавно. Термин «лизинг» происходит от английского слова «lease», что означает «сдавать в аренду» или «в наем».

До настоящего времени в мировой практике так и не сформировалось единообразного определения лизинга. В различных странах данное понятие трактуется по-разному. И, как справедливо отмечает В. А. Горемыкин, это связано не только с использованием различных терминов для описания лизинговых операций, но и с правовыми, а также экономическими особенностями [Горемыкин, с. 342-343].

В англосаксонском праве термины «аренда» и «лизинг» идентичны, а в российском праве термин «лизинг» используется для обозначения только части арендных отношений, причем достаточной узкой. В мировой практике существуют две основные категории аренды: операционная аренда (operation lease) и финансовая аренда (financial lease) или финансовый лизинг [Ковалев, с. 593]. Когда в российском праве используется термин «лизинг», имеется в виду финансовая аренда, которая в мировой практике называется финансовым лизингом.

Исходя из этого, можно сделать вывод: понятие «лизинг» в российском праве идентично международному термину «финансовый лизинг», то есть – «финансовая аренда». А значит, термины «лизинг», «финансовая аренда», «финансовый лизинг» являются синонимами.

В Гражданском кодексе Российской Федерации нет как такового определения финансовой аренды (лизинга); ст. 665 дает лишь определение договора финансовой аренды, а само понятие финансовой аренды можно найти в Федеральном законе «О финансовой аренде (лизинге)». В ст. 2 этого закона лизинг определяется как совокупность экономических и правовых отношений, возникающих в связи с реализацией договора лизинга. Надо признать, что это определение не самое удачное, так как оно не отображает инвестиционную сущность лизинга. Закон связывает понятие лизинга с инвестиционной деятельностью только в определении лизинговой деятельности. В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О финансовой аренде (лизинге)» лизинговая деятельность – это вид инвестиционной деятельности по приобретению имущества и передаче его в лизинг.

Неоднозначно и понимание самой сути лизинга. Понятие «лизинг» трактуется в зарубежной и отечественной предпринимательской деятельности достаточно широко. Сложность лизинговых отношений обусловливает существование нескольких точек зрения на сущность и происхождение лизинга [Чекмарева, 1994, с. 18].

В большинстве случаев под лизингом понимают долгосрочную аренду машин, оборудования, транспортных средств и сооружений производственного назначения. Субъект, которому необходимо получить в пользование определенное имущество, находит его на рынке и обращается к другому субъекту, обладающему финансовыми средствами, с просьбой купить необходимое ему имущество у выбранного им производителя и передать его во временное пользование. При этом оговаривается, что, так как имущество и продавец выбраны лизингополучателем, лизингодатель не будет нести ответственность за качество купленного имущества и за действия продавца. По мнению Е. Н. Чекмаревой, в такой ситуации для покупателя имущества первостепенное значение приобретает сам акт распоряжения финансовыми средствами как форма инвестирования. Для будущего пользователя (арендатора) покупаемого имущества, взвалившего на себя груз возможных проблем в отношениях с продавцом, акт оплаты выбранного им имущества представляется финансовой услугой [Чекмарева, 1993, с. 28].

Как отмечает Е. Н. Чекмарева, «лизинг – это комплекс имущественных отношений, складывающихся в связи с передачей имущества во временное пользование» [Чекмарева, 1994, с. 18]. Здесь отношения по воз-